парадигму как единственно нормативную, а описываемый ими «идеальный тип» – как наиболее предпочтительный» [3].

Тем не менее в последние годы можно наблюдать такую тенденцию: в противовес глянцевым журналам многие СМИ, в том числе и региональные, стараются больше внимания уделять традиционным ценностям.

Автор провел контент-анализ современных молодежных изданий, которые появились в конце 2000-х гг. Это общероссийский журнал «Наша молодежь», региональные молодежные средства массовой информации Краснодарского края (журнал «Регион 93», молодежные вкладки газет «Вольная Кубань» («Я – молодой»), «Зори» («Мы – молодые»), Ростовской области (журнал «Сорока и Компания», газета «Классная переменка»), Республики Адыгея (газета «Studlife», молодежная вкладки газеты «Советская Адыгея» («Время молодых») и др. (Исследовались СМИ за 2011, 2012, 2013, 2014 гг. В зависимости от периодичности издания анализировались либо номера за первый квартал года, либо за весь год).

Анализ позволил сделать вывод, что основное внимание в этих изданиях уделено ценностям патриотизма и образования (знания), труду, семье, милосердия, взаимопомощи, профессионализму, в меньшей степени развлечениям. Таким образом, можно отметить, что по сравнению с молодежными изданиями 1990-х и 2000-х гг. современные молодежные СМИ стали больше уделять внимание традиционным ценностям.

Автор сознательно исследовал средства массовой информации в разные периоды времени: в постперестроечные годы постепенно от положительных традиционных ценностей общество эволюционировало к либеральным ценностям потребления. Однако в первой половине второго десятилетия XXI в. намечается перелом, когда общество начинает понимать, что дальше идти по курсу Запада нельзя, иначе мы потеряем страну.

К сожалению, чтобы сохранить и укрепить такие ценности, как патриотизм, семья, труд, коллективизм, стремление к добру, миру, братской солидарности и др., еще много предстоит сделать. Но то, что от отрицательного, навязываемого нам вестернизацией, мы идем к положительному, не вызывает сомнений. И, наконец, власти всерьез задумались о том, что происходит с молодежью, и что нас ждет в будущем.

Большие надежды возлагаются на Президента России В.В. Путина, который в своем ежегодном Послании Федеральному собранию отметил, что «мы должны укреплять прочную духовно-нравственную основу общества. Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. Эти сферы – это не набор услуг, а прежде всего пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России» [4].

Источники и литература

1. *Лутовинов, В.* Современная молодежь: основные ценности, позиции, ориентиры / В. Лутовинов, Е. Радионов. – URL: www.rau.su/observer/№09_97/007htm.

2. Послание президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 2013 года // Российская газета. – 2013. – № 258.

3. *Стебловская, С.Б.* Методологические основы исследования аксиологического поля журналов для подростков / С.Б. Стебловская // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2010. – № 1. – С. 152.

4. *Хоружая, С.В.* Смысловая сфера культуры, проблемы кризисного развития / С.В. Хоружая. – Краснодар, 2008. – С. 123–128.

УДК 82.09

А.А. Дементьева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Л.В. Гурленова

«РОДОСЛОВИЕ» ПИСАТЕЛЬСКОГО ТАЛАНТА В КНИГАХ А.М. РЕМИЗОВА «ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ», «ИВЕРЕНЬ»

В статье рассматриваются вопросы формирования творческой позиции писателя в рамках мифа Ремизова «о самом себе», о влиянии на личность автобиографического героя таких неоспоримо важных для него факторов как родословная, воспитание, а также культурная среда, в которой проходило детство будущего писателя.

Миф «о самом себе», «родословие», писательская концепция, древнерусская книжность, автобиографическая проза.

The article considers the development of creative position of the writer in the framework of Remizov’s myth "About myself", the influence of genealogy and upbringing on the personality of an autobiographical hero as well as cultural environment where the future writer spent his childhood.

Myth "about myself", "genealogy", writer’s concept, ancient literacy, autobiographical prose.

В автобиографической прозе А. Ремизова актуальным для создателя текста является вопрос о «корнях» его писательского дара. Разговор о предрасположенности автобиографического героя к писательскому делу и в связи с этим о предках, которые обладали в какой-то степени писательским талантом, начинается в книге «Иверень» [2, с. 604], которая охватывает события 1896–1903 гг. – время ссылки Ремизова и начала его первых писательских трудов. Исследователи вслед за самим автором называют эти годы переломным моментом в жизни писателя [1, с. 33–40], [5, с. 299–310], [6, с. 28–31], временем окончательного оформления собственной позиции, обретения голоса в литературе.

В отличие от многих писателей-современников, вышедших из сугубо интеллигентской среды (В. Соловьев, А. Белый, А. Блок), в которой творческая умственная работа воспринималась как естественная, Ремизов, ведущий свой род из купеческого сословия, представители которого могут быть поняты как носители практического начала человеческого характера, остро нуждался в подкреплении собственного права называться писателем.

Повествуя о семье, автобиографический герой неоднократно указывает на то, что «тяга к выдумке» и рассказыванию у него и его родственников в крови. Касается это в первую очередь таких персонажей, как дядя, промышленник Н.А. Найденов, в доме которого прошло детство героя; старший брат, получивший филологическое образование; кормилица – «песельница» и сказочница, от которой и усвоил герой звучание народной русской речи; и отец, купец М. Ремизов, у которого, по словам рассказчика, был необыкновенный дар так преподнести собственный товар, уверить покупателя в необходимости покупки, что из его лавки практически никто не уходил с пустыми руками.

В соответствии с центральными мотивами прозы писателя, определенными Г.Н. Слобин как «волшебство, парадокс и отличие» [6, с. 27], автобиографический герой описывает свою творческую судьбу.

В авторской трактовке предопределяющим творческую судьбу автобиографического героя во многом стало детство, проведенное в атмосфере старой купеческой Москвы с ее патриархальными устоями. Члены семьи героя, по неоднократной его характеристике, обладали различными талантами. Так, одним из важнейших персонажей книги «Подстриженными глазами», повествующей о раннем детстве героя (1877 – середина 1890-х гг.), является Н.А. Найденов – родной дядя рассказчика. Значителен этот персонаж не только по месту, какое он занимает в жизни племянника, но и по тому, что во многом он определяет жизнь московских промышленных кругов. Описание Найденова часто сопровождается эпитетом «легендарный»: «Более легендарного человека трудно и вообразить: Найденов. В Сибири, в Средней Азии, в Персии и Китае, среди купцов <…> – рассказывали о нем сказки» [4, с. 289]. Не вызывает сомнения то, что рассказчик отчасти повышает статус своего дяди, что соответствует авторской установке на мифологизацию жизненных событий и обстоятельств. Огромная роль Найденова в жизни деловой Москвы подчеркивается еще и затем, чтобы далее построить повествование на приеме контраста: человек, полностью погруженный в коммерческие дела, невероятным образом обнаруживает в себе нерастраченный творческий потенциал.

Сначала рассказчик констатирует факты общественной жизни дяди: «Место на Москве он занимал высокое: несменяемый председатель Биржевого Комитета. <…> Старейший гласный Московской Городской Думы, с открытия – 1863 года. Так до последних дней своей сверхделовой жизни…» [4, с. 290], акцентируя внимание на том, что при такой занятости ни на что другое сил не могло больше остаться. Однако далее автобиографический рассказчик противоречит себе в оценке отношения дяди к его делу, отмечая, что «…фабрика его (Найденова, А.Д.) вовсе не занимала. Покровительство М.П. Погодина и И.С. Аксакова ввели его в круг славянофилов, и он пристрастился к истории, по преимуществу московской. <…> Книги сблизили с И.Е. Забелиным, а отсюда и занятие археологией» [4, с. 291–292]. В этом контексте для героя важно то, что противоречивость характера понимается как особенность всего рода Найденовых, а, следовательно, и его самого – рассказчика. Увлеченность историей в рамках предопределения родословной писательского таланта героя является более значительной стороной жизни Найденова для его племянника, именно поэтому он так легко отодвигает на второй план сюжетного повествования рассказ о дядиных деловых достоинствах: они понимаются как менее важные по сравнению с его пристрастием к книге.

В образе Н.А. Найденова автором намечаются две противоположные тенденции, проявившиеся затем в писательском таланте его племянника: страсть к выдумке и болезненно строгое, пристальное отношение к написанному слову. Он отмечает: «Подготовка же к «фантазиям» была у меня основательная: со стороны матери «сочиняли», как деликатно выражались про моего знаменитого дядю Н.А. Найденова, совмещавшего звание биржевого диктатора, ученого археолога и, походя, выдумщика невероятных происшествий, которым, вопреки всей вздорности, не смели не верить …» [4, с. 114]. По мысли рассказчика, его дядя был вынужден совмещать столь различные функции, потому что являлся наследником векового найденовского дела, оставить которое, по его собственному мнению, он не имел морального права. Подобное вынужденное расщепление между необходимостью заниматься коммерческими делами и потребностью в творчестве было одним из истоков непримиримости дядиного характера.

В вопросе влияния Найденова на творческое становление героя одним из ключевых является эпизод с писцовыми книгами: он приводится как в тексте «Подстриженными глазами», так и в книге «Иверень». Дядя героя был одним из авторов издания «Истории города Москвы», предпринятого И.Е. Забелиным в 1877 г., а именно второго тома, посвя-

щенного описанию московских церквей. В это же время по инициативе и на средства Н.А. Найденова были сделаны фотографии всех московских «сорока сороков» в альбомном формате, шесть больших альбомов [3, с. 626]. Именно подготовка к изданию этого исторического труда и была связана с работой над писцовыми книгами. По характеристике рассказчика, «одна эта "бенедиктинская" работа дает представление о его (Найденова, А.Д.) большом знании наших письменных документов в московских веках» [4, с. 293]. Интерес к историческим источникам роднит дядю и племянника, именно поэтому последнего заинтересовала не только таинственность звучания фразы «писцовые книги», но и трепетное отношение к ним как хранилищу знания, открывающегося немногим.

Просьба героя показать ему писцовые книги, с одной стороны, привлекает к нему дядю, а с другой – отталкивает: «Покажите мне П*е*сцовые книги! сказал я, совсем низко наклоняясь к столу, – П*е*сцовые! Повторял я, шаря глазами по столу. – П*е*сцовые? И это цок: – «цовые» – меня вдруг одернул, я почувствовал, как весь оледенел; я только и мог разобрать – сквозь вызвизгивало: «песцовые» – и с каким издевательством на «е», переходящим в смягченное: «пёс», передразнивающим мою ошибку…» [4, с. 135]. Врожденная нетерпимость Найденова к людям и нежелание прощать даже мелкие оплошности отталкивают от него любознательного племянника: дядя без пощады клеймит семилетнего мальчика за досадную оговорку. Однако, по мысли рассказчика, именно этот страшный окрик на слово «песцовые» заставит его впоследствии бережно и осмысленно относится к каждому написанному слову. Со временем обида, захлестнувшая героя, прошла, и осталось понимание творчества, работы со словом как долгого и кропотливого труда: «На одной из лекций Ключевского при упоминании о «Писцовых книгах» я вдруг отчетливо услышал этот визг, прорезавшийся через годы: «песцовые»!.. я понимаю <….> только книжник может так горячо чувствовать и так беспощадно карать за букву» [4, с. 135]. Автобиографический герой не осуждает поведение дяди, потому что для него самого по прошествии времени любовь к **слову** и боязнь искажения смысла станет оправданием многих творческих экспериментов, непонятных современникам, например, многократного переписывания собственных текстов в манере древнерусских книжников, с сохранением всех вариантов редакций.

Стремление автобиографического героя определить свое предназначение сталкивается с упорным сопротивлением дяди, который не желает видеть в племяннике проблесков какого бы то ни было таланта. Таким образом, противодействие этой силе воспринимается героем как способ доказать самостоятельность, подтвердить право на творческое отношение к жизни. Противопоставляя в целом образы дяди и племянника друг другу, рассказчик акцентирует внимание на том, что объединяет их, а именно «чудовищное воображение», под которым понимается способность создать чудесную, невероятную историю на основе заурядных событий: «…воображение чудовищное: среди самых деловых разговоров сочинить невероятную историю, и с подробностями ничего не стоило. И как было не поверить» [4, с. 290]. Авторитет Найденова и его уверенность в истинности рассказываемого имели магическое воздействие на слушателей; таким же даром обладает и его племянник, названный современниками «мистификатором, любившим одурачить человека, заставить поверить в какую-нибудь чепуху» [7, с. 236]. Такая схожесть характера творческого дара героев позволяет автобиографическому рассказчику называть дядю в качестве персонажа, бессознательно и, более того, вопреки собственному желанию, предопределившего жизненный выбор героя.

Ремизов последовательно выстраивает образ Найденова как личности, которая обладала творческими способностями, но не реализовала их в полную меру своих возможностей. Бескомпромиссность и нежелание героя понять другого человека, по мысли Ремизова, становятся одной из причин страха унижения, который будет сопровождать автобиографического героя постоянно. Поэтому, анализируя свои детские воспоминания, он задумывается над своим характером и поведением, когда «служилые люди» указывали ему на сходство с «дядюшкой»: «Старики служащие сколько раз уверяли меня, что я «вылитый дядюшка» и как хожу и повороты, и как всматриваюсь и прислушиваюсь. <…> Но не могу поверить, что мой голос хоть чем-нибудь напоминает этот единственный страшный голос, какой только мне приходилось слышать» [4, с. 294]. По ремизовской концепции памяти, человек перенимает у представителей предыдущих поколений те качества, которые близки его натуре, поэтому настолько страшным кажется герою сравнение его с дядюшкой, так как признание правоты этого сравнения обнажает те скрытые глубины души, о которых человек обычно не догадывается или которые тщательно пытается скрыть. На наш взгляд, этот эпизод разбивает череду микросюжетов, связанных с раскрытием характера Найденова, выбираемых рассказчиком по принципу, насколько они отвечают поставленной задаче – методичному отбору тех качеств, которые впоследствии будут способствовать созданию целостного творческого облика автобиографического героя. В использовании этого приема можно увидеть попытку писателя завуалировать целенаправленность в построении желаемого образа героя.

В повествование о предопределенности собственного писательского дара родословной для большей обоснованности Ремизов включает также рассказ о своем отце и старшем брате. Наиболее важным качеством в характеристике Михаила Ремизова, отца героя, занимавшегося торговлей, по словам автобиографического рассказчика, является невероятная способность привлечь покупателя: «Его способность к «пюблисите», но никак не в переводе: «втирать очки» и «зубы заговаривать» … теперь я понимаю: он находил какие-то «вечные» определения вещам, «именовал» вещи, и оттого самый обыкно-

венный моток шерсти вдруг становился «бухарским», глаз не оторвешь» [4, с. 99]. Способность преобразить облик вещи словом, по мысли писателя, есть настоящий признак творческого дара, показатель умения силой фантазии преобразить мир, сделать его более ярким, красочным, расположенным к человеку, зачастую равнодушному к малым радостям жизни.

В тексте книги «Подстриженными глазами» отец главного героя предстает как человек, которому приоткрывается завеса над тайной, мистической стороной жизни, и вера в неведомое воспринимается окружающими как склонность к излишнему, неуместному «фантазерству»: «Про отца говорили, что он «привирает»… Однажды вечером, вернувшись из магазина, сидел он один, только часы тикали, и вдруг из «холодного» угла кто-то окликнул: «Михаил Алексеевич!» – а никого. Рассказывая про этот чудесный случай, отец посмеивался в ус … И никто не верил» [4, с. 99]. В свою очередь, автобиографический герой именно это обстоятельство воспринимает как частичное объяснение мистического характера своего творческого дарования, выразившегося в обращении к мифологии в целом и, в частности, к демонологии разных культур. В этом смысле отец героя предстает в тексте как персонаж, открывший маленькому сыну возможность существования представителей других миров и проникновения в недоступные для обычного человека параллельные сферы бытия.

Более прозаическое, однако не менее важное в представлении писателя, значение имеет введение в текст упоминания о старшем брате: «Еще гимназистом он, бывало, <…> расскажет какое-нибудь происшествие, и всегда чего-нибудь подпустит на удивление <…> про этого брата говорили, что «заливает». В его сочинениях не было от Хлестакова и Ноздрева, не было и от «Русских лгунов» Писемского, никакого бахвальства и никакой сноровки «переплюнуть», им ближе <…> чистый вымысел» [4, с. 102]. Рассказывая о старшем брате, герой обращает внимание не только на отличавшую многих представителей его семьи «врожденную тягу к выдумке», но и на то, что брат получил филологическое образование. Как следствие этого, в нем соединилось родовое «чудовищное воображение» с профессиональным отношением к слову. В рамках ремизовской творческой концепции именно подобный энциклопедический подход к тексту, книге дает писателю право на выражение в слове – в произведении – собственной позиции. Понимание ответственности за сказанное слово также рассматривается автобиографическим героем как отличительная черта представителей его семьи, имевших в себе зачатки писательского дарования.

Таким образом, включая в текст книг «Иверень» и «Подстриженными глазами» рассказ о своей семье, автобиографический герой не только рисует картину своего детства, но, в первую очередь, пытается увидеть знаки предопределения своей писательской судьбы. Родовое «чудовищное воображение» в ремизовском понимании творчества становится определяющим признаком его писательской концепции. Желание закрепить право на звание писателя у Ремизова нередко приобретает оттенок психологической зависимости от судьбы, понимаемой им как фатум. Представление об обладании писательским даром лежит у Ремизова на тонкой грани между мистической предопределенностью человеческого бытия и правомерностью генетических связей, определяющих, по мысли писателя, предрасположенность к какому-либо роду деятельности.

Литература

1. *Доценко, С.Н.* «Автобиографическое» и «апокрифическое» в творчестве А. Ремизова / С.Н. Доценко // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / отв. ред. А.М. Грачева. – СПб., 1994. – С. 33–40.

2. *Раевская-Хьюз, О.П.* Волшебная сказка в книге А. Ремизова «Иверень» / О.П. Раевская-Хьюз // Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. – М., 2000. – С. 604–614.

3. *Раевская-Хьюз, О.П.* Комментарии. «Иверень» / О.П. Раевская-Хьюз // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. – М., 2000. – Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. – С. 615–678.

4. *Ремизов, А.М.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень / А.М. Ремизов. – М., 2000.

5. *Розанов, Ю.В.* Северный маршрут Алексея Ремизова: поэзия и правда / Ю.В. Розанов // Вопросы литературы. – 2004. – № 6. – С. 299–310.

6. *Слобин, Г.Н.* Проза Ремизова 1900–1921 / пер. с англ. Г.А. Крылова. – СПб., 1997.

7. *Тыркова-Вильямс, А.* Тени минувшего. Встречи с писателями / А. Тыркова-Вильямс // Воспоминания о серебряном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М., 1993. – С. 322–342.

УДК 81-39

О.Д. Дербенева

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ПЕСЕННОМ ТЕКСТЕ 20–50 ГОДОВ XX ВЕКА

В статье рассмотрены когнитивные модели концепта «Любовь», выявленные в результате анализа песенных текстов 20−50 гг. XX века, описаны особенности вербализации исследуемого концепта.